

Ойраты... Калмыки...

Цецен Балакаев

ОТЕЦ ИАКИНФ
и Ойраты, или Калмыки

Историческая повесть в 15 главах

Цецен Балакаев

**Отец Иакинф и Ойраты, или
Калмыки. Историческая повесть**

«Автор»

2026

Балакаев Ц. А.

Отец Иакинф и Ойраты, или Калмыки. Историческая повесть /
Ц. А. Балакаев — «Автор», 2026

В стенах буддийского монастыря Юнхэгун русский монах отец Иакинф собирает по крупицам историю народа, который называют «калмыками». В беседах с ламами и потомками чжунгарских князей он открывает для себя мир, полный трагедии и величия, – мир ойратов, чей союз на протяжении более трёх веков бросал вызов величайшим империям Азии. Это история союза Четырёх ойратов от первых столкновений русских казаков с кочевниками на сибирских реках до гибели Чжунгарского ханства, от исхода торговцев на Волгу до их возвращения в 1771 году. Читатель узнает о кровавых междоусобицах ойратских ханов, о жестокой политике Пекинского кабинета, сеявшего рознь среди кочевников, и о непростых отношениях калмыков с Российским государством – от шертных записей и военных союзов до крещения и предательства. Повесть написана на основе подлинного исторического труда отца Иакинфа, изданного в Санкт-Петербурге в 1834 году. Это повествование о том, как один монах-подвижник на чужбине спас от забвения целый народ.

© Балакаев Ц. А., 2026

© Автор, 2026

Цецен Балакаев

Отец Иакинф и Ойраты, или Калмыки. Историческая повесть

Цецен Балакаев

ОТЕЦ ИАКИНФ И ОЙРАТЫ, ИЛИ КАЛМЫКИ

Историческая повесть в 15 главах по страницам труда монаха отца Иакинфа (Н.Я. Бичурина) «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени» (Санкт-Петербург, 1834/1854)

Пекин, 1830 год. В стенах буддийского монастыря Юнхэгун русский монах и блестящий востоковед отец Иакинф (в миру Никита Бичурин) собирает по крупицам историю народа, который его соотечественники привыкли называть «калмыками». В беседах с китайскими учёными, монгольскими ламами и потомками чжунгарских князей он открывает для себя мир, полный трагедии и величия, – мир ойратов, западных монголов, чей союз на протяжении трёх с половиной веков бросал вызов величайшим империям Азии.

Повесть охватывает более трёхсот лет истории: от первых столкновений русских казаков с кочевниками на сибирских реках до гибели Чжунгарского ханства под ударами армий императора Цяньлуна, от исхода торговцев на Волгу до их драматического возвращения в 1771 году. Читатель узнает о кровавых междоусобицах ойратских ханов, о жестокой политике Пекинского кабинета, сеявшего рознь среди кочевников, и о непростых отношениях калмыков с Российским государством – от шертных записей и военных союзов до крещения и предательства.

Повесть написана на основе подлинного исторического труда отца Иакинфа, изданного в Санкт-Петербурге в 1834 году. Это не сухая хроника, а живое повествование о людях, верах, войнах и судьбах – повествование о том, как один монах-подвижник на чужбине спас от забвения целый народ.

Для всех, кто интересуется историей России, Китая, Монголии, а также судьбами кочевых цивилизаций Евразии.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами – не учебник и не диссертация. Перед вами – попытка воскресить голос человека, который два столетия назад сделал для истории ойратов больше, чем любой из его современников, включая самих ойратов.

Монах Иакинф (Никита Яковлевич Бичурин, 1777–1853) – фигура уникальная в русской культуре. Сын чувашского дьякона, воспитанник Казанской семинарии, он прошёл путь от провинциального архимандрита до начальника Российской духовной миссии в Пекине. Двенадцать лет, с 1820 по 1832 год, он провёл в китайской столице, изучая языки, переписывая древние хроники, встречаясь с учёными и буддийскими ламами. Его главный труд – «Историческое обозрение ойратов или калмыков» – вышел в свет в 1834 году и сразу же вызвал споры. Одни хвалили его за точность и полноту, другие – упрекали в сухости и отсутствии «литературности».

Но Иакинф и не стремился к литературности. Как он сам писал в предисловии:

«Издаваемое мною Историческое обозрение Калмыков в прямом смысле есть собрание материалов, относящихся до Истории Калмыцкого народа: почему оно и не имеет деления по периодам и главам».

Он собирал камни. Он не строил из них дворец. Он предоставил это будущим читателям, будущим историкам, будущим писателям.

Моя повесть – попытка такого строительства. Я взял подлинные тексты Иакинфа: его хронологию событий, его родословные таблицы, его пересказы шертных записей и договоров, его комментарии о нравах кочевников. Я дополнил их биографическими сведениями о самом авторе, его диалогах с китайскими и монгольскими знатоками, его внутренними сомнениях и открытиях. Я позволил себе реконструировать живые сцены, которых нет в оригинальном труде, но которые с высокой долей вероятности могли иметь место.

Почему это важно?

Потому что ойраты – или калмыки – сегодня почти забыты. В России их около 180 тысяч – небольшой народ среди многих. В Китае они растворены среди уйгуров и монголов. Но ещё в XVIII веке ойраты были грозной силой, сотрясавшей основы двух великих империй – Российской и Цинской. Они могли бы создать своё государство, если бы не распри, если бы не предательства, если бы не коварная политика Пекина, сгвабливавшая князей между собой.

Эта история – трагедия. Но трагедия, из которой можно извлечь урок. Урок о том, что единство народа дороже золота, что вера и свобода неразрывны, что история не прощает тех, кто не помнит своего прошлого.

Я не ставил целью осуждать или оправдывать чьи-либо действия – ни русских царей, ни китайских императоров, ни ойратских ханов. Я хотел показать картину такой, какой она открылась отцу Иакинфу: сложной, противоречивой, жестокой, но и величественной.

Пусть этот текст станет мостом между двумя эпохами – эпохой кочевых империй и нашим временем. Пусть читатель, закрыв последнюю страницу, скажет себе: «Я знаю теперь, кто такие ойраты. Я помню их. И я передам эту память другим».

Того, наверное, и хотел отец Иакинф, когда в промозглой петербургской келье правил последнюю корректуру своей книги.

ОКНО ПЕРВОЕ

Пекин. Храм Юнхэгун. Осень 1830 года

Город Пекин в тот год стоял особенно пыльным. Ветры с монгольского плато несли жёлтую взвесь, оседавшую на крышах, деревьях, лицах прохожих. В буддийском монастыре Юнхэгун, бывшем дворце наследника престола, а ныне обители лам и переводчиков священных текстов, в маленькой келье при Российской духовной миссии сидел человек, которому суждено было открыть для России подлинную историю одного из самых загадочных народов Азии – ойратов, которых на Руси называли калмыками.

Звали его отцом Иакинфом. В миру – Никита Яковлевич Бичурин.

Родом из чувашского села Акулево, сын дьякона, он прошёл долгий путь: Казанская семинария, затем – неожиданное пострижение в монахи, место архимандрита в Иркутском Вознесенском монастыре и, наконец, назначение начальником Девятой Российской духовной миссии в Пекине.

Двенадцать лет он прожил в этом городе.

Двенадцать лет – срок огромный для иностранца, особенно для такого, который не торговал чаем и не высматривал военных секретов. Иакинф изучал языки: маньчжурский, китайский, монгольский, тибетский. Он переписывался с пекинскими академиками – теми самыми *ханьлинями*, которые хранили в своих сундуках хроники исчезнувших царств. Он ездил в знаменитые библиотеки, в монастыри, в ламаистские дацаны, где старые монахи ещё помнили времена, когда ойраты были хозяевами степей от Алтая до Тибета.

И всюду он искал одно – правду о народе, который его соотечественники, русские, привыкли называть просто «калмыками», не вникая в смысл этого слова. А слово это было турец-

кое, вражеское. Означало оно «отщепенец», «оставшийся». Сами же западные монголы именovali себя иначе – «ойраты», что на их языке значило «близкие», «союзники», «сообщники по духу».

В тот осенний день у порога кельи отца Иакинфа возникла высокая фигура в синем халате – это был Ли Цзинбо, старый библиотекарь императорского Ханьлиньского училища.

Ли Цзинбо принадлежал к той редкой породе китайских учёных, которые помнили историю не по казённым летописям, а по живым свидетельствам. Его дед служил военным переводчиком при императоре Цяньлуне, во время последних походов против чжунгарских ойратов. Баба происходила из монгольского рода, принявшего китайское подданство. В доме Ли до сих пор хранились свитки на монгольском языке, которые никто, кроме него, не умел читать.

– Отец Иакинф, – произнёс Ли, склоняясь в традиционном поклоне, – я принёс то, что вы искали. Четыре года вы просили меня найти документы по ойратским князьям. Я нашёл. Но не в императорском архиве – там одни победные реляции и доносы цензоров. Я нашёл в старом храме за пределами Пекина, где монахи сохранили бумаги времён Канси и Юнчжэна.

Иакинф поднялся из-за низкого стола, заставленного свитками. Он был высок ростом, сутуловат, с тяжёлым взглядом глубоко посаженных глаз. В Пекине его знали как человека молчаливого и строгого, но сегодня в его лице загорелся тот внутренний огонь, который отличает истинного исследователя, нашедшего золотую жилу.

– Показывайте, – сказал он на чистом пекинском наречии, без малейшего акцента.

Ли выложил на стол пачку синих бумажных корешков, перевязанных шёлком. Развернул первый свиток. Там были иероглифы, но не обычные, а так называемый «монгольский ключ» – смесь китайской письменности с фонетическими пометами для передачи чужих имён и слов.

– Вот список чжунгарских ханов, – начал Ли, води пальцем по строкам. – Чоросский дом. Они были главными в Ойратском союзе. Первый известный – Хара-Хула. Потом – Батор-Хонь-Тайцзи, который в 1640 году собрал князей и утвердил Степное уложение. Затем – Сэнгэ, убитый братьями. Затем – Галдан-Бошокту, самый знаменитый и самый трагический.

– Я много слышал о Галдане, – перебил Иакинф. – В русских документах его называют Галдан-Черень или даже просто Контайша. Но мало кто знает, что он был воспитанником Далай-ламы, что он принял духовный сан, а потом, узнав о смерти брата, снял с себя рясу и стал воином.

– Это правда, – кивнул Ли. – В наших хрониках сказано: «Галдан оставил духовное звание, женился и впоследствии убил своего племянника Очирту-хана, овладел его землями, потом учинил нападение на пределы Китая». Только умолчано, почему он напал. Он хотел вернуть Монголии былую славу. Он мечтал о единой империи кочевников, как при Чингисхане.

– Мечты, которые стоили ему жизни, – тихо сказал Иакинф.

– И не только ему, – добавил Ли. – Потом был Цэван-Рабтан, племянник Галдана. Потом Галдан-Церен. Потом – Лама-Даржа, потом – Давац, потом – Амурсана. Все они пили из одной чаши – власти, предательства, крови и, в конце концов, поражения. А на пепелище их государства пришли маньчжурские войска и китайские земледельцы.

Отец Иакинф придвинул свиток ближе к масляной лампе, хотя на улице было ещё светло. Он разбирал иероглиф за иероглифом, сверяя с монгольскими транскрипциями, которые держал в голове.

– Ли-сяньшэн, – спросил он вдруг, – а знаете ли вы, почему китайцы называют ойратов «элютами»? В ваших летописях это имя встречается сотни раз.

– Знаю, – усмехнулся Ли. – Потому что в XV веке, когда князь Элютэй (или, по-монгольски, Элтомэй) воевал с чжунгарским Махмудом и бежал за Калган, его имя стало нарицательным для всех западных монголов. Так бывает: побеждённый даёт имя целому народу. Это ирония истории, которой мы, китайцы, умеем ценить.

Иакинф задумался. В русских документах тоже была путаница: казаки называли калмыков то «чжунгарцами», то «элютами», то «монголами». И никто не разбирал родов – чоросов, дурботов, хошотов, торготов. А между тем, разница была огромная. Это всё равно что спутать англичанина с шотландцем, а его – с ирландцем: обидно и исторически неверно.

– Давайте начнём с самого начала, – сказал Иакинф, беря в руки чистую бумагу и кисть. – С XV столетия. С того времени, когда ойраты впервые появились на политической сцене как отдельная сила.

Ли Цзинбо кивнул и начал свой рассказ.

ОКНО ВТОРОЕ

Древняя Чжунгария. От гуннов до Чингисхана

– Прежде чем говорить об ойратах, – начал Ли, – нужно понять, что такое Чжунгария. Это слово у нас произносится «Чжунь-гар» – Восточная сторона. А на монгольский лад – «Зюнггар». Страна эта лежит к юго-востоку от Семипалатинска и Бухтармы, граничит с Россией, с Казахской степью, с Восточным Туркестаном. Главное её сокровище – не золото, а пастбища. С древности там пасли коней и овец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.